

В.А. Бахтина
Москва, Россия

Духовный стих о Святом Феодоре Тироне (этнорегиональные трансформации)

Духовный стих о Феодоре Тироне, сюжетно соотносимый с апокрифическим его житием (называемом “Чудом о Феодоре”) относится к числу недостаточно изученных и даже загадочных текстов. Наличие в его сюжете (и в апокрифе) змееборческих мотивов, использование приемов эпической ретардации, гиперболы, многих былинных общих мест в описании снаряжения героя, боя, наличия самого героя-малолетки и т.д. соотносимо с поэтикой героических былин. В то же время обилие христианских черт – обращение за помощью к Богородице, Евангелию, четкое указание на обрядово-христианскую приуроченность текста (Феодорова суббота Великого поста) – ставит его в ряд с духовными стихами.

Ограничена территория бытования стиха – он не замечен на Украине, у южных славян (болгар, сербов, македонцев, хорватов), не известен западным славянам. Но и на Руси ареал его распространения определен. Б.М. Соколов, будучи студентом четвертого семестра I Московского университета в 1908 г. написал в семинаре М.Н. Сперанского реферат на тему: “Географическое распространение и источники русского былевого духовного стиха”¹. Относительно “Феодора Тиряннина” он замечает: “Стих вообще редко употребляемый, записей его известно очень немного. Про Север России мы не имеем никаких сведений, так что говорить об общерусской распространенности стиха мы не можем. Во всяком случае, если стих и употребляется на Севере, то очень мало, а не то бы мы имели хоть несколько записей”. Борис Матвеевич относит его к Центральной России. К настоящему времени ситуация несколько изменилась, поскольку стали известны южно-русские казачьи стихи², а также эпические стихи, записанные на коми языке у коми старообрядцев в нескольких селах Усть-Куломского района³. Дополнились варианты, относящиеся к центрально-русскому региону (неопубликованные стихи из архива П. Бессонова) и Поволжья (полноценный эпический стих из архива Нижегородского университета, о чем нам сообщила К.Е. Корепова). Все эти данные – свидетельство бытования эпической традиции в центральных районах Руси и Поволжье.

Обратимся к коми-зырянским песням “Педор Кирон”. Имя главного героя прямо указывает на источник: русский стих о Федоре Тироне или апокри-

фическое его житие. Общим является и круг представленных персонажей: помимо Педора действующим лицом повествования предстает его матушка и верный товарищ и спутник – конь. Однако сюжет русского духовного стиха, состоящий из двух эпизодов – сражение Феодора с врагом, а также сражение его со змеем и освобождение плененной змеем матушки – в коми-зырянских текстах выглядит несколько иным. Змееборческий эпизод отсутствует, усилена роль матери, должной дать сыну прощение и “благословление” перед битвой. Активная роль отводится коню и во время сражения, и после него. Наконец, в большинстве коми-зырянских вариантов Педор Кирон гибнет от полученных ран, и конь один возвращается домой, принося печальную весть родным. Возможно, на такой финал повлияло каноническое житие Феодора Тирона, христианского страстотерпца, принявшего мучительную смерть за веру.

Как видим, сюжет “Педора Кирона” имеет мало общего со своим источником. А.К. Микушев справедливо указывает, что здесь мы имеем пример возникновения в коми-зырянской среде самостоятельного эпического произведения на основе русского духовного стиха и былин. Вместе с тем, А.К. Микушев отмечает чрезвычайную близость художественных приемов этого произведения и коми устной поэзии вообще русскому, причем не только эпическому, фольклору, которая возникла при непрерывных и длительных культурных контактах. Исследователь отмечает, что “в эпических песнях о Педоре Кироне, о Кирьяне Варьяне, а также в выском эпосе о юношестителе, встречаем русские былинные, сказочные сюжетные ситуации, мотивы <...> русскую эпитетику, специфические художественные приемы”⁴.

Трудно согласиться с А.К. Микушевым в другом утверждении, что главной чертой коми-зырянского эпоса является “четко выраженный историзм образов, обилие исторических реалий, явная установка на достоверный факт”⁵. Довод Анатолия Константиновича основывается на том, что Педор Кирон бьется с “йогра-яран” – это обобщенное название угро-самодийских племен, населявших берега Печоры и совершавших набеги на коми-зырян. Но “йогра-яран” встречаются лишь в одном варианте – (19 (I)), в других враг никак не обозначен (II, III) или назван обобщенно-безымянно “вражеское войско” (19 (IV)), “чужие люди” (19 (V)), “злой ворог-супостат” (19 (VII)), в одном варианте – “татары” (19 (VI)), еще в одном – враг по сюжету отсутствует (19 (VIII)).

Собственно и этническая принадлежность Педора Кирона по вариантам не предстает единой или вовсе не обозначена. Он называется: “Русской земли защитник”, “добрый человек”, “богатырь” (19 (I)), просто “добрый человек” (19 (II)), “Русской земли держатель”, “Русский богатырь”, “добрый человек” (19 (III)), “Русской земли держатель” (19 (IV)), “Русской земли

держатель, могучий богатырь” (19 (V)), “Добрый человек, русской земли держатель, самый большой царь” (19 (VI)), “удалой парень Коми земли” (19 (VII)), “Русской земли держатель”, “богатырь” (19 (VIII)).

Коми песни о Педоре Кироне нельзя считать единым жанровым образованием. В большей части вариантов присутствуют определяющие героическую эстетику мотивы: сбор Педора на войну, описание сражения, героическая гибель. Но, скажем, вариант (19 (VII)) больше тяготеет к известному многим народам сюжету проводов сына на войну. В этом варианте утрачено имя героя, он становится “удалым парнем Коми земли”, помимо матери героя, введены и другие члены его семьи: отец, молодая жена. Внимание в песне акцентируется не столько на описании “большой войны”, сколько на содержании предсмертного письма, которое со слезами пишет раненый, реакции на него отца, матери, жены.

Вариант (19 (IV)) дает иную версию сюжета, проникнутую духом свободолюбия с элементами социального протеста. Педор Кирон, хотя и назван традиционно для данного сюжета “Русской земли держателем”, подчеркнуто лишен эпического размаха и гиперболизма. Он отказывается ехать на битву с князем (“Я в твои сани не сяду”), добирается, как охотник, на лыжах, после боя не берет княжеского вознаграждения, предпочитая полную свободу и независимость. Эта версия не завершается гибелью героя.

В варианте (19 (VIII)) вообще отброшены все героико-эпические эпизоды и дана картина после битвы: погибающий от ран Педор Кирон в шатре над сырым дубом. В песне подробно гиперболически описываются попытки коня помочь своему хозяину: “Тридцать дней и тридцать ночей конь стоял там // землю до колен взрыл” – не сумел герой взобраться на него” – “три дня и три ночи прошли, так и не смог взобраться”. Эти безуспешные усилия утраиваются по мере того, как конь все ниже припадает к земле: “опустился на передние ноги”, “опустился на бок”.

Подробно описываются трудности и препятствия при возвращении коня домой, реакция родных на горестное известие, тонко передающая силу чувств каждого через описание явлений природы. Матушка: “плакала она, плакала, словно весеннее половодье”, отец: “плакал он, плакал – словно весенний ручей течет”, сестра: “плакала она, плакала – словно осенний дождь”, брат: “плакал он, плакал – словно осенний ручей”, “молодая жена”: “плакала она, плакала – словно весенняя роса”. Таким образом, песня скорее примыкает к лирическим сюжетам о гибели молодца в походе с психологически точной передачей чувств и самого героя, и его близких.

Все другие варианты, описывающие непосредственно сборы Педора в поход и само сражение, отмечены природно-мифологическими явлениями большой сюжетной значимости. Это сигналы-сообщения о предстоящей бит-

ве, в качестве которых могут выступать тучи, гром, дождь, два ворона, три ворона и три гуся, два, четыре и т.д. черных коней. Они отлились в особую формулу-примету коми эпоса: “позвали навстречу грому”. В некоторых вариантах эти природные информаторы приходят к герою во сне (19 (I, III, V, VI)).

Как в сказках, былинах, некоторых духовных стихах (например, “Алексей божий человек”) присутствуют и другие знаки беды, на которые Педор указывает своим близким и которые связаны с его судьбой. Свидетельствами его гибели на чужбине может быть заржавевшее золотое кольцо (19 (VI)), рев быка, блюдо, наполненное кровью (19 (V)), бряканье чашек-ложек (19 (I)).

В героико-эпических вариантах обязательно обращение Педора к матушке с просьбой о “прощенье-благословенье”, даже если герой, не получив его, все же отправляется на войну. И столь же непрямым актом является посещение церкви, рассказ о сне или о предвестии собравшимся в церкви людям. Нередок распространенный фольклорный прием ретардации, когда увеличивается количество вестников (от двух до двенадцати) и число пар коней, готовых отвезти Педора на поле сражения.

Диалоги с конем и матерью во всех вариантах лирически окрашены и передают ощущение взволнованности и тревоги.

А.Н. Власов в статье “Устная традиция старообрядцев и формирование эпических форм коми фольклора” (в печати) считает, что образ Педора Кирона в песнях коми старообрядцев соединил в себе черты рекрута и молодца, умирающего на чужбине. И эти более близкие этническому сознанию коми образы определили и изменения в сюжете и семантические преобразования.

С этим можно согласиться, добавив, что тема умирающего на чужбине сына (в военное или мирное время) известна фольклору любого народа, и ее осмысление может быть отмечено общими поэтико-стилевыми приемами. Лирическая интерпретация ее может сосуществовать с былинными и сказочными мотивами.

Близость к стиху о Феодоре Тироне опосредованно проявляется через мощный мифо-космический природный слой, проникающий песни о Педоре Кироне, который А.К. Микушев, на наш взгляд, несколько узко, обозначил как “небесный”, астральный, и который, по нашему мнению, должен включать и образы говорящих птиц и коней, вестников и помощников героя. Вероятно, это та колдовская стихия, которой Феодор причастен уже тем, что только ему эти силы подвластны и которая в сознании народа, соединившись с образом Феодора, закрепились в системе художественных мифопоэтических приемов.

Обратимся к другой традиции бытования “Феодора Тирона” – в среде старообрядцев, осевших в Турции в период гонений за веру и возвращавшихся в Россию постепенно семьями, начиная с 1909 г. и кончая 1960-ми го-

дами. В 1946 году один полноценный текст “Федора Тыренина” записал от некрасовцев их исследователь Ф.В. Тумилевич. Остается только сожалеть, что в течение последующих десятилетий этот текст ни разу не был зафиксирован ни одним собирателем.

Записи А.Н. Иванова⁶, произведенные во второй половине 80-х годов XX века, свидетельствуют о широкой известности стиха в прошлом. В отличие от коми старообрядцев, некрасовцы сохранили сюжет, состоящий из следующих мотивов:

- 1) весть царю Константину о нападении “силушки жидовской”;
- 2) выступление “маловёнушка” Феодора Тыренина как защитника земли;
- 3) просьба к матери о благословлении;
- 4) снаряжение Феодора;
- 5) страх перед битвой (новый мотив, вероятно, попытка объяснить малый возраст героя);
- 6) поддержка Богородицы во время битвы;
- 7) мотив обилия крови жидовской;
- 8) похищение змеем матушки на реке, где она мыла коня;
- 9) моление Феодора, обращенное к силам природы;
- 10) спасение им матушки.

Не останавливаясь специально на анализе этих текстов, обращу внимание на одну их особенность: в них, как и в песне о Педоре Кироне, значителен мифо-поэтический и заклинательно-обрядовый пласт, частично связанный с общезпической традицией: послание, падающее с неба к ногам князя Константина в виде “струи огненной” или “письма-грамоты”, просьба Федора Тыренина дать ему “коня неезженыва”, “копно невладанного”, “Евангелью нечитанную”, способность Федора идти по морю как посуху (общее место во всех вариантах). Особенно ярко мифологически сакральный характер являют произносимые Федором заклинания-моления (на них обратил внимание А.Н. Иванов). Моления, всегда результативные, обращены не только и не столько к христианским святым, сколько к языческим стихиям, природным, космическим силам: к матушке сырой земле, дождю, ветрам, тучам.

Потянитя вы, а вы, ветры сильные,
Поднеситя вы тучи грозные!
А пойдитя вы, дожди, дожди сильные,
Намочитя вы крылушки бумажные!
Нехай будет: он, летучий, станет ползучий,
Да не будет (в) он о двенадцать голов, а об одной и т.п.

Только после заклинания Федор Тыренин убивает теперь уже ползучего змея Тугарина копьём.

А.Н. Иванов приводит бытующие среди некрасовцев свидетельства о наделенности Федора Тырынина особыми знаниями и способностями. Одна из исполнительниц А.М. Богачева таким образом прокомментировала текст духовного стиха: “Он, – говорят, – значит, защитник. Потому вот эту всю силу побил и пошел по морю как по суку, еще и как будто матерю взял и коня взял, а еще и Змея убил! Это он вот такой колдун, он всех заколдует и нас всех поест, – вот тады испужа-а-ались!”⁷.

А.Н. Иванов полагает, что эти представления – позднейшие привнесения, а переосмысление текста в казачьей среде связано с обытовлением духовного стиха.

Действительно, такая тенденция просматривается: например, матушка Федора идет на речку коня “обанивать”, Федор, получив весть о неприятеле, обращается к народу: “Ой, чаво жа мы будем делать та?”. Змей Тугаринин, похитив матушку, “полетел искать ягоды, // не калиновой ягоды – малиновой” и т.д.

Что же касается восприятия святого воина Феодора как наделенного особыми знаниями человека, то, по-видимому, это не обытовление его, а идущее от средневековья представление. Свидетельством тому могут служить пришедшие на Русь из Византии и дошедшие до наших дней амулеты-змеевики, или обереги, предохраняющие от болезней, порчи и пр. На некоторых из них было изображение Феодора Тирона, которое могло быть как на внешней (“святой”), так и на внутренней (оборотной) дьявольской стороне, пополняя ряд так называемых “святых дьяволов”⁸.

Представления о Феодоре Тироне как о человеке “знающем”, скорее всего, относились к исконным ипостасям этого образа, и в сообществе казаков-некрасовцев, не один век проживших в Турции, в среде не только иноязычной, иноэтнической, но и иноконфессиональной, они законсервировались и были принесены в Россию.

В системе народного православия складывалась особая традиция почитания святых, представленная в обрядах, легендах. Николай Чудотворец – покровитель и защитник всех тружеников на земле и на водах, Егорий – покровитель скотоводов и пастухов. У южных славян Тодор – покровитель коневодов, “конский пастух”. Какова же народная традиция почитания Феодора Тирона на Руси? К сожалению, достаточно обширными и убедительными материалами на этот счет мы пока в полном объеме не располагаем. Имеются лишь отдельные косвенные свидетельства его обережной функции, особенно в отношении женских болезней.

Таким образом, при всех различиях в сюжете, поэтико-стилевых средствах текстов о Феодоре, бытовавших в коми этносе на Севере и среди некрасовцев на юге, в их образной системе сюжетобразующими становятся мифо-ритуальные действия и мотивы. Если коми старообрядцы, переосмыс-

лив сюжет, придали песне лирическое содержание, то духовный стих в среде некрасовцев сохранил величавую плавность, эпическую неторопливость, напевность литургического текста, что ощущается не только в музыкальном сопровождении текста, но и в его строфике, ритмической организации стиха.

Примечания

¹ Соколов Б. Географическое распространение и источники русского былевого духовного стиха // ГЛМ. Фольклорный архив. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–35.

² Музыковедческий их анализ см.: Иванов А. М. “Феодор Тирон” в эпике казаков-некрасовцев // Сохранение и возрождение фольклорных традиций // Сб. науч. тр. Респуб. центра русского фольклора. М., 1994. Вып. 4. Анатолий Николаевич любезно предоставил нам для ознакомления двенадцать вариантов, записанных им в 80-е гг. XX в. и хранящихся в его личном архиве, за что выражаем ему искреннюю признательность. Самая ранняя запись стиха в среде некрасовцев относится к середине 40-х гг. XX в. и принадлежит Ф. В. Тумилевичу. См.: Тумилевич Ф. В. Песни казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1947.

³ Из 11 записанных вариантов восемь опубликованы в двуязычном издании: Коми народный эпос / Вст. ст., перевод текстов, коммент. А. К. Микушева. М., 1987. С. 324–343. См. раздел “Коми-зырянский эпос”. Все варианты стиха “Педор Кирон” значатся под № 19. В дальнейшем при ссылках на текст этого издания приводится общий номер всех текстов (№ 19) и номера соответствующих вариантов.

⁴ Коми народный эпос. С. 46.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Иванов А. М. Указ. соч.

⁷ Соколов Б. Указ. соч. С. 9.

⁸ См. Бахтина В. А. Феодор Тирон в письменно-устной традиции и иконографии // Литература, культура и фольклор славянских народов XIII Междунар. съезд славистов (Люблина, август 2003): Доклады российской делегации. М.: Наследие, 2003. С. 336–350.

Т. Г. Иванова
С.-Петербург, Россия

Мотив “отдай, чего дома не знаешь” в русском и удмуртском фольклоре

Речь пойдет об известном мотиве, являющемся зачином сказок на сюжет СУС 313 А (“Чудесное бегство”): мифологический персонаж хватает